

КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. Жариков

БОГ и ЛЁНЬКА

*Издательство
«Детская литература»*

К Н И Г А   З А   К Н И Г О Й

Л. ЖАРИКОВ

БОГ И ЛЁНЬКА

РАССКАЗ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

Оцифровка
dominas
2015

Дорогие ребята!

События, описанные в рассказе «Бог и Лёнька», происходили в маленьком шахтёрском городке в дореволюционные годы.

Вы прочитаете о том, как жили тогда шахтёры, какую борьбу с царским произволом вели революционеры-подпольщики, как росли и мужали дети шахтёрской бедноты. Из этого рассказа вы узнаете о том, как сын рабочего Лёнька Устинов, наивно веривший в бога и ангелов, постепенно убедился в том, что бога нет, что его придумали буржуи, чтобы угнетать простых людей.

Напишите нам, ребята, понравился ли вам этот рассказ. Свои письма направляйте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки В. Ладыгина

1

Поплыли над землёй осенние тучи, мокрые, рас-
трёпанные. Они так низко нависли над посёлком, что
цеплялись грязными космами за деревья. Тесно
и темно стало жить, как будто тучи давили нас.
Дни и ночи хлестал и хлестал холодный ветер с
дождём.

Как ни помогал мой отец Анисиму Ивановичу,
семья их бедствовала. Часто у них не было в доме
даже ведра угля, чтобы растопить плиту. Пришлось
Васе определяться на работу.

Сначала его не принимали. Мастер и слышать не хотел, чтобы взять на завод такого маленького. Тогда люди посоветовали тётке Матрёне пойти в церковь, где у отца Иоанна продавались года — кому сколько надо. Год стоил три рубля. За девять целковых отец Иоанн выдал святую бумажку, по которой Ваське вместо одиннадцати лет сразу стало четырнадцать. Тогда его записали в рабочие и даже выдали круглый жестяной номерок с дырочкой и выдавленным числом — 733.

Вечером ребята собрались возле Васькиной землянки, чтобы в последний раз побыть со своим вожаком. Кроме меня и Васьки, пришли трое: греченок Уча — худенький мальчик-калека с чёрными глазами и горбатым носом, Абдулка Цыган, чей отец ни за что сидел в тюрьме, и ещё рыжий Илюха, которого все мы недолюбливали. Отец Илюхи работал банщиком. Вся их семья славилась жадностью — камня со двора не выпросишь. Илюха вечно ходил сопливый. Лицо и руки были густо усыпаны веснушками. Как будто маляр, балуясь, потрянул ему в лицо кистью с краской, а Илюха так и не смыл крапинки. Ресницы у Илюхи были белые, как у свиньи. Уважали его только за то, что он умел шевелить ушами.

На улице, погружённой во тьму, было тоскливо и пусто. В чёрном небе мерцали высокие звёзды.

Закутавшись в старые ватные пиджаки, мы тесно сгрудились на лавочке, согревая один другого. Рыжий Илюха, глядя на звёзды, рассказывал нам, что небо — это терем божий, а звёзды — окна в этом терему. Для каждого человека, когда он рождается, бог пробивает в небе окошко. На подоконник садится ангел со свечой в руке и сидит. Когда человек умирает, ангел тушит свечку, закрывает окошко и уходит.

«Интересно, где там моё окошко?» — думал я, глядя на звёзды, а они сверкали, как живые, и то вдруг пропадали во тьме, то опять вспыхивали.

— А сам бог в какое окно выглядывает? — спросил Уча, косясь на Илюху чёрными, как два жука, хитрыми и весёлыми глазами.

Илюха презрительно хмыкнул:

— Не знаешь, в какое окно бог смотрит? Эх, ты, а ещё православный! Бог смотрит в самое большое окно.

— В какое? — спросил Абдулка Цыган, большегубый, коренастый татарчонок.

— Гм, в какое... Отгадай!

Абдулка молчал. Мы тоже не знали. Илюха объяснил:

— В луну, вот куда!

Уча ядовито спросил:

— Значит, днём бог ничего не видит? Днём же луны нет!

Илюха рассмеялся:

— Чудак человек! Днём и так видно, безо всякой луны. А ночью надо светить.

— А сейчас бог видит что-нибудь? — спросил вдруг Васька, сидевший до того в молчаливой задумчивости.

— А как же? — поспешно ответил Илюха. — Бог всегда всё видит.

— А луны нету, как же он видит?

Васька удивил всех. И правда, как же бог видит в темноте, если луны нет?

— Тю, дурной, — возмутился Илюха. — Ангелы на небе зачем? Они смотрят и богу рассказывают. У человека всегда слева ангел, а справа чёрт с копытами. Ангел от смерти спасает, а чёрт на грехи наводит. Даже когда мы спим, ангелы караулят около подушки. Сегодня интересный случай был: просыпаясь утром, чуть глаза открыл, гляжу, а он сидит сбоку.

— Кто?

— Тебе же говорят — ангел. Сидит и дремлет.

Я ка-ак вскочу, а он захлопал крыльями и улетел.

— Куда? — спросил я, поражённый словами Илюхи.

— «Куда, куда»! Закудыкал. В трубу улетел.

— Там же сажа.

— Ну и что? Он в ставке скупается и опять чистый летит на небо.

— Врёшь ты, Илюха, — с досадой проговорил Васька.

Илюха обиделся:

— Вот у тебя бог отсушит язык за то, что не веришь.

— А у тебя за то, что неправдой живёшь, — сказал Васька.

Илюха горячился:

— Так в божьем писании сказано, а я здесь ни при чём. Да ты сам Лёньке говорил про рай да про чертей, забыл, да? Забыл?

— Забыл я или не забыл, то моё дело, — хмуро отозвался Васька, — а врать, что живого ангела видел, незачем.

— Я могу показать перо от крыла ангела, если не веришь.

— Опять врёшь.

— Чтoб я провалился! Когда ангел вылетал в трубу, то зацепился за гвоздик, а перо выпало. Хоть сейчас иди посмотри, за иконами у нас лежит.

:— То небось петушиное.

— «Петушиное», как бы не так!

Минуту помолчали. Видя, что никто не возражает, Илюха вздохнул и, указывая пальцем в чёрное, блестящее звёздами небо, продолжал:

— А во-он дорога в рай, видите, где звёзды густой полосой тянутся. По этой дороге праведники после смерти идут в рай. Там у ворот стоит святой Пётр с золотыми ключами и стережёт. У него на дурницу в рай не проберёшься.

— Документы требует? — простодушно спросил Абдулка.

Васька усмехнулся:

— Пачпорт!

— Не пачпорт, а крест на шее, — поправил Илюха. — Если грешник — крест будет заржавленный, а у праведника — новенький, сияет как солнце. Если святой Пётр увидит, что грешник хочет незаметно в рай пробраться, то сейчас его за шиворот и прогоняет под зад коленкой...

— А кто в раю живёт? — спросил Абдулка.

— В раю живут Адам и Ева.

— Ещё кто?

— Я же говорил: праведники. Те, которые безгрешно жили на земле. Моя бабка там живёт.

— Откуда ты знаешь?

— Во сне видал.

— Тю, во сне... Бабку во сне видеть — это к дождю.

— И вовсе не к дождю... А потом, я где видел бабку? В раю, будто она сидит под райским деревом и золотые яблоки ест, понятно тебе? В раю хорошо, а около ада, прямо у ворот, сидит собака Санхурха о семи головах, страшная-престрашная...

Хотя я чувствовал, что Илюха врёт, всё же было интересно слушать его рассказы.

Поздно в этот вечер разошлись мы по домам. Ваське нужно было ложиться, чтобы утром не проспять на работу. Расставаясь, мы взяли друг друга за руки. Наверное, Ваське тоже было тяжело. Он вздохнул и сказал ободряюще:

— Ничего, Лёнь. Зато я денежек заработаю. Батька даст нам гривенник, и накупим мы целую шапку пряников и «Раковых шеек», а хочешь — голубей купим.

— Голубей лучше, — сказал я, стараясь подавить слёзы.

— Ладно, купим голубей: красноперых, чернохвостых, «монаха» одного купим...

Безрадостным был наступивший день. Потерянный, слонялся я по улице, не зная, куда себя девать. Поиграл возле калитки с Полканом: закидывал палку и заставлял принести обратно. Потом смотрел в щёлку забора, как Илюхина мать стирала во дворе бельё. Надоело и это. С тоской побрёл я на речку, сел на камень у сухих камышей и, глядя в небо, стал считать облака. Вот проплыло первое, похожее на грязную рубаху с разорванными рукавами, за ним второе, третье...

Интересно, на каком облаке сидит сейчас бог? Ещё бабушка рассказывала: есть у бога золотая книга, где записано, кто когда родился и сколько ему положено жить на земле. Про меня тоже записано. Хотя бы одним глазком поглядеть, сколько мне

назначено жить. Я подчистил бы стёклышком и прибавил годика два. Сеньке-колбаснику стёр бы лет десять. А его отца совсем вычеркнул бы из божьей книги. Пусть явится после смерти в рай, а бог проверит по книге и спросит: «Откуда тебя черти принесли? Ты в золотой книге не записан. Проваливай в ад!» — и по шее его, по шее. А в аду черти схватят колбасника за шиворот и на сковородку: «Поджарься, голубчик, потанцуй на горячей сковородочке, а потом в кипящей смоле посидишь да раскалённую плиту языком полижешь...»

В размышлениях я не заметил, долго ли сидел у речки. Надоели облака и степь. Поднялся я и пошёл домой.

А там неожиданно-негаданно выпало счастье.

— Сынок, — сказала мать, едва я переступил порог, — сходи-ка на завод, снеси отцу обед. Я что-то занедужила, да и стирки много.

С трудом сдержался я, чтобы не заплясать. Пойти на завод — значит побывать у Васьки, увидеть, где он работает, посидеть с ним. А ещё говорили, что там куют снаряды для войны. Всё это я увижу своими глазами. Захватив судок с обедом, я пошёл из дому не спеша, чтобы мать видела, как я осторожно несу обед. Но едва я вышел за калитку, — гикнул от радости и помчался, расплёскивая суп. Мать кричала мне вслед:

— Душу-то застегни, скаженный!

Я ничего и слышать не хотел.

2

На заводе я бывал не раз. Но одно дело пробраться туда с задворок и поминутно озираться: не идёт ли Юз, и другое дело идти свободно, с полным правом, — ведь я несу отцу обед!

Первый раз я по-настоящему видел завод. Разинув рот, глазел я по сторонам и ничего не мог понять. Чёрный дым и копоть закрывали солнце. Всюду грохотало, лязгало, свистело, визжало. Вертелись огромные колёса, что-то ухало над самой головой. Казалось, какой-то страшный великан, скрежеща зубами, жевал здесь что ни попадя: людей, железо, камни, не зря что-то трещало, хрустело, и пламя сквозь чёрный дым выбивалось из ноздрей.

Всё на заводе было ржавое: земля, железо, трубы, даже воробьи. Пахло известью, дёгтем, гарью — задохнуться не хитро.

У высоких домен красные от руды катали возили тяжёлые двухколёсные тачки с коксом и рудой. Я глядел на их оголённые натруженные спины, и мне вспомнился Абдулкин отец — дядя Хусейн. Он работал здесь.

За доменными печами начинался мартеновский цех. Я долго смотрел, как сталевары носили на плечах пудовые чушки чугуна и, корчась от пламени, швыряли чугун в пасти печей, откуда со злостью выбивалось пламя, будто хотело достигнуть рабочих и обжечь их. Кожа на лицах рабочих лопалась от жара, одежда дымилась. Но сталевары были смелыми людьми, они лезли в самый огонь, и, если на ком-нибудь загоралась рубашка, он бежал к бочке с водой, окунался туда и, объятый паром, опять кидал чугун в печи.

В завалочных окнах бушевало оранжевое пламя, через край выливалась на площадку жидкая сталь. Она расплзлась ручьями, а рабочие бегали тут же, перешагивали через огненные ручьи. И как они не сгорят тут все?

Возле прокатного цеха встретились мне тряские дроги, запряжённые лошадкой. На дрогах, покрытый рогожей, лежал на смятой соломе человек. Из-под края рогожи торчали и безжизненно пока-

чивались ноги, обутые в чуни. «Наверное, задавило где-нибудь», — подумал я и поспешил уйти по-дальше.

Прошёлся я и мимо заводского ставка, где, говорят, купались ребята. В этом ставке, залитом мазутом, даже лягушки не водились, берега были ржавые и сальные.

Суп в моём судке давно остыл, а я всё бродил по заводу. Наверное, я ещё дольше гулял бы, да городской возле литейного цеха, увидев меня, засвистел. Я прицепился позади чёрного паровозного крана с длинной цепью на горбатом носу и доехал до кузнечно-костыльного цеха, где работал отец.

Здесь было ещё страшнее, чем на мартеновских печках. Звон, грохот, синий дым стояли под высокими сводами здания. Голоплечие кузнецы выхватывали из огня клещами красное железо и лупили по нему тяжёлыми молотами. Только и слышно:

Динь-дон-бум,
Динь-дон-бум.

Жара стояла невыносимая, искры разлетались из-под молотков — того и гляди, вскочат за пазуху. Недаром у отца одежда была прожжённая, мать вечно латки пришивала.

Я с трудом узнал отца среди других кузнецов. Он грохал молотом по вишнёво-красному железу, и под его ловкими ударами на моих глазах кусок железа превратился в топор.

«А корону царю кто выковал?» — вспомнились мне слова Анисима Ивановича. «Может быть, здесь, в кузнечном цехе, и сделали царскую корону, — подумал я, — может, мой отец и выковал её».

Я смотрел на кузнецов и думал: «Вырасту, никем не хочу быть — ни Кузьмой Крючковым, ни царём, а буду я кузнецом или сталеваром, чтобы вот так же смело ковать железо, варить сталь и окунать-

ся в кадушку с водой. Я нырял бы на самое дно и подолгу сидел в бочке, пуская пузыри...»

Хрипло, натруженно загудел гудок. Чёрные осколки стёкол в цехе задрожали. Начался обед. Рабочие примостились кто на ржавых кусках железа, кто привалившись спиной к наковальне. Одни тянули из бутылок чай, другие закусывали житным хлебом, черпали из чугунков жидкую похлёбку.

Пока отец обедал, я побродил по цеху, пощупал только что выкованные, тёплые гайки, потрогал кузнечный мех — он зашипел, и я попятился: ещё сгорюшь ни за что.

Потом какой-то старик рабочий подошёл к моему отцу, наклонился к уху и, глядя на меня, стал о чём-то шептаться с ним. Я насторожился: «Обо мне говорят». Когда старик отошёл, отец связал недоодеженный обед и подозвал меня:

— Сынок, пойдём-ка помоемся, — сказал он, оглядываясь по сторонам, — пойдём в баньку, а то ты грязный.

Так я и знал! Всегда что-нибудь придумает отец. Я смерть как не любил мыться.

— Я не грязный, я не хочу.

— Как же не грязный, смотри... — Отец мазнул меня чёрным пальцем по носу.

— Это ты меня сейчас вымазал, — захныкал я, — не хочу мыться.

— Пойдём, пойдём, — сказал отец и потащил меня.

Рабочие смеялись.

— Устинов, ты куда? — строго спросил проходивший мимо чисто одетый человек.

— Мальчика помыть, господин мастер, а то бегают целый день, как поросёнок.

— А-а, ну помой.

Мы с отцом обогнули цех и пошли к заводской котеларке. Там мы спустились куда-то в подвал по

Начался обед...

мокрым каменным ступеням. В погребе было темно и сыро. Мы прошли на ощупь несколько шагов и столкнулись с каким-то рабочим, который держал в руке мазутный каганец. Когда мы приблизились, он поднял над головой каганец, присматриваясь к нам.

— Значит, можно помыться? — спросил отец.

— Можно, вода ждёт, — сказал рабочий, похожий на китайца.

— Хорошо, а ты, Ван Ли, постой здесь.

— Знаю, будь спокоен.

Отец взял у рабочего каганец, и мы стали пробираться по мокрому каменному коридору. Отец открыл разбухшую от сырости дверь, и мы вошли в низкую комнату, совершенно тёмную. В углу стоял чёрный цементный ящик, из стены торчала какая-то железная трубка, с которой капала вода.

— Здравствуй, товарищ Богдан, — вдруг, как гром, раздался во тьме чей-то басовитый голос, и в свете каганца я увидел незнакомое чернобородое лицо.

«Чёрт», — подумал я и в страхе спрятался за отца, но отец радостно, двумя руками потряс руку незнакомцу:

— Заждались тебя, товарищ Митяй. Очень рады, что ты появился.

— Патруль выставлен?

— Есть... Раздевайся, сынок, не бойся, это наш дядя. Вот тебе мыло, скидывай рубашку. — Отец повернул в стене какую-то ручку, и в ящик из железной трубки с шумом ударила струя воды. — Мойся, сынок, а я поговорю с дядей.

И откуда принесло сюда этого чернобородого? Делает вид, будто знакомый, а сам даже не знает, как зовут отца. «Богдан»... Ещё Иваном назови...

Я разделся и нехотя, как в пропасть, полез в воду. Лучше бы мне не приходиться на завод: когда я теперь доберусь к Ваське?

Отец присел на край ванны и стал разговаривать с незнакомым человеком.

— Цека партии прислал меня к вам, чтобы восстановить разгромленный комитет. За мной слежка от самого Петрограда. Если арестуют, придётся тебе, товарищ Богдан, взять на себя партийное руководство. Я сейчас дам явки...

— Мойся, мойся, сынок, — сказал отец и загорол спиною незнакомца.

Я ничего не понимал из их разговора и начал плескаться. Вода была тёплая. Мыло я, конечно, забросил и, делая вид, что моюсь, нырял под воду, заткнув уши и нос.

Отец и незнакомец, поговорив, распрощались. Отец проводил его, вернулся и сказал:

— Вылезай.

— Я ещё не накупался.

— Вылезай, вылезай, а то мне на работу надо.

Отец потёр мне ладонью лицо, пошлёпал по го-лой спине и вытащил из ванны. Я дрожал от холода. Отец кое-как вытер меня рубахой, натянул на мокрое тело штаны, и мы той же дорогой выбрались нару-жу. Никого уже вокруг не было — ни китайца, ни бородатого.

Мы вернулись в цех. Отец доел обед. Я захватил пустой судок и заторопился к Ваське. На прощание я взял две только что выкованные, тёплые гайки и опустил за пазуху.

3

Ваську я нашёл на коксовых печах. Там ещё мож-но было работать, да только дышать нечем. Всё во-круг заволокло ядовито-жёлтым дымом. Даже я, си-дя в отдалении, кашлял и поминутно вытирал сле-зящиеся глаза.

Коксовые печи-батареи вытянулись в длинный ряд. Сверху по рельсам ходила вагонетка и ссыпала в печи размолотый каменный уголь. Когда печь на-полнялась доверху, её накрывали круглой крышкой, плотно обмазывали глиной, и уголь спекался внут-ри. Когда кокс был готов, раздавался звонок, сбоку открывалась узкая, точно крышка гроба, чугунная заслонка, и на площадку из зияющей огненной печи сама собой, как живая, медленно выползала стена раскалённого кокса. Её называли «пирогом». Вась-ка должен был остужать этот «пирог» водой из длинной пожарной кишки.

Становилось жутко, когда он, надвинув по самые глаза обгорелую шапку, упрямо нагнув голову, под-ходил к раскалённому коксу и направлял на него сверкающую струю.

В рваном отцовском пиджаке, в больших чунях.

Васька подступил совсем близко к пылающей жаром стене...

Васька казался совсем маленьким. Он копошился перед огромной коксовой стеной, точно козьявка. Горячий, шипящий пар окутывал его так, что он, наверное, и сам не видал, куда лить воду.

Коксовая стена разваливалась, тяжёлые огненные куски подкатывались ему под ноги. Казалось, вот-вот стена кокса обвалится на него или он сварится заживо в пару.

Мастер коксовых печей, маленький, лысый человек с пушистыми чёрными усами и большим животом, знавший по-русски только три слова: «лей», «шкоро» и «своличь», покрикивал на Ваську:

— Шкоро, шкоро!

Васька подступил совсем близко к пылающей жаром стене и вдруг упал на одно колено: наверное, не под силу стало держать на весу тяжёлый медный наконечник на пожарной кишке. А мастер завизжал, затряс брюхом:

— Шкоро лей!

Какие-то рабочие, проходившие мимо, остановились.

— Душегубы, какого мальчика поставили на проклятую работу, — сказал один из них.

— Дешевле платить — вот и поставили, — ответил другой. — Взрослому надо сорок копеек в день поставить, а этот за гривенник сделает.

— Чей же этот пацан?

— Анисима Руднева сын, Васька.

— Погубят мальчика, чтобы их, этих богачей, паразитов, в бараний рог согнуло. Когда уж они напьются нашей крови? — сказал первый, плюнул яростно, и они пошли.

Я видел, как Васька еле держится «а ногах, но я знал, какой он непокорный — скорее умрёт, чем покажет, что ему тяжело. Сердце моё ныло от жалости к Ваське. Чем же ему помочь? Закричать? Кинуть в брюхатого камнем?

Васька закончил поливать и, шатаясь, с малиновым от жары лицом, поплёлся к ведру с водой. Молча он выпил подряд шесть кружек тёплой, смешанной с каплями пота воды и тогда только подошёл ко мне.

— Тяжело, Вась? — спросил я, отирая рукавом рубахи пот с его лица.

— Что сделаешь, — хрипло ответил он, — надо же мамку кормить. Она и так больная.

Всё-таки Васька не выдержал и убежал с завода. Случилось это в понедельник. Я принёс ему на коксовые печи обед—бутылку чаю и кусок хлеба.

Не успел он поесть, как зазвенел звонок — стали выдавать кокс. Васька подхватил ненавистную брезентовую кишку и стал поливать.

Зашипело, затрещало вокруг. Удушающий огненный пар совершенно скрыл Ваську, и я не заметил, как и когда он упал. Я видел только, что толстобрюхий мастер коксовых печей взмахнул руками и заорал:

— Шкоро, сволочь!

Он спрыгнул на площадку, где находился Васька, и продолжал вопить:

— Лей!

Когда горячий пар рассеялся, я увидел Ваську лежащим на железных плитах. Вода, пофыркивая, выливалась из кишки. Англичанин схватил Ваську за шиворот и поставил на ноги.

— Сволочь, лей! — визжал он.

Васька стоял пошатываясь. Из носа у него текла по губам кровь. Он смотрел на мастера какими-то пустыми глазами, будто не видел его. Но, когда тот схватил его за грудь, и встряхнул, Васька вырвался, подхватил кишку и направил струю воды прямо в усатое лицо. Мастер вскинул руки, хотел позвать на

помощь, но захлебнулся и грохнулся мягким задом на железные плиты.

Закрываясь от бьющей струи руками, он что-то кричал, но Васька поливал и поливал его, сбил с него кожаный картуз, намочил жилетку с золотой цепочкой на брюхе. Отовсюду стали сбегаться мастера — англичане и бельгийцы. Васька отбросил шланг и помчался вдоль коксовых батарей, вскарабкался на гору железного лома и скрылся за ней.

Мы встретились с Васькой у проходных ворот. Он сорвал пыльный лист лопуха и вытер им кровь на губах. С ненавистью глядя туда, где курился над печами жёлтый дым, он сказал:

— Так ему и надо, толстопузому. Идём, Лёнь, нехай они пропадут со своим коксом.

В неглубокой балке мы присели отдохнуть. Я показал Ваське новые фантики от конфет, потом достал из-за пазухи верёвку и предложил поиграть в коня и кучера. Я запрягся конём и начал брыкаться, но Васька не взял вожжи.

— Не надо, — сказал он, — ни к чему это.

Мы поднялись и пошли домой.

Васька думал, что Юз општрафует его и что дома ему влетит от отца. Но всё обошлось.

Мы опять играли вместе, строили на огороде шалаш из бурьяна, копали шахту. Только Вася стал совсем другим. Испортили его на заводе. Он сделался задумчивым. Лежит и лежит с открытыми глазами. Окликнешь, а он молчит. Про отца, что ли, думает...

Однажды Анисим Иванович позвал Васю и, не глядя на него, сказал:

— Определил тебя, сынок, в шахту! Не хотелось губить твои малые годы, но такая уж наша судьба — тяни лямку, пока не выроют ямку.

Тётя Матрёна заголосила:

— Посылаем дитё в прорву!

— Замолчи! — крикнул на неё Анисим Иванович. — Не тяни за душу, и так тяжко.

На другой день утром тётя Матрёна повела Васю на Пастуховский рудник.

Я продолжал ходить на работу к отцу, но теперь ничто не занимало меня там. Всё чаще взбирался я на крышу нашего домика и с грустью смотрел в далёкую степь, где виднелся Пастуховский рудник. Чем дольше я смотрел, тем сильнее хотелось туда и тем боязнее становилось на душе. Я никогда не уходил дальше речки, а ведь там, за горизонтом, конец земли. Вон куда угнали Васю, на самый конец света.

Долго я мучился и наконец не выдержал. Улучив минуту, когда мать ушла, я втихомолку сунул за пазуху ломоть хлеба, захватил на всякий случай две сырые картошки и подался на рудник. Для смелости я кликнул Полкана, но он проводил меня только до речки. «Полкан, Полкан!» — кричал я, но он сел на берегу, уставился на меня грустными глазами и сидел, виновато помахивая хвостом. Я поплёлся один.

Идти было версты три. В степи уже увяла трава, почернела полынь, лишь торчали кое-где высокие будяки с грязными, как тряпки, листьями да катились под порывами ветра сухие шары перекаати-поля.

Страшно было идти одному. Раскинулась передо мной печальная степь с одинокими, как могилы, терриконами шахт. Куда ни глянь — пусто, безлюдно, тихо. Наверное, один бог наблюдал с неба, как я чмокал опорками по раскисшей грязи.

За Богодуховской балкой начался Пастуховский рудник. Посёлок был чёрный от угольной пыли.

Здесь, как и у нас, заборы были низкие, сложенные из дикого камня — песчаника, даже крыши землянок были покрыты тонкими каменными плитами. Улочки все узкие, шага три-четыре, переплунуть — пустяковое дело, старые землянки, повалившиеся то в одну, то в другую сторону.

Едва я вошёл в первую улочку, как рыжая цепная собака вскочила на крышу землянки и облаяла меня, потом спрыгнула на землю и продолжала хрипло брехать, гремя толстой цепью.

Невдалеке, пугая страшным видом, стояла шахта «Италия». Над воротами на железной сетке виднелись крупные буквы: «Угольные копи. Шульц Апшероден фон Графф».

Дул пронизывающий ветер. Я шагал по незнакомым улочкам, мимо кабака, потом трактира. На одной вывеске был нарисован огромный красный рак с вытаращенными глазами, державший в клешне кружку с пивом.

Под забором кабака, среди сваленных пивных бочек, я увидел группу оборванных рудничных ребят. Двое играли в карты, а остальные тоскливо пели сиплыми голосами:

Вот мчится лошадь по продольной,
По узкой, тёмной и сырой,
А молодого коногона
Несут с разбитой головой.

В кабаке дрожали стёкла не то от пляски, не то кто-то дрался. Ребятишки не обращали на грохот никакого внимания и продолжали протяжно петь:

Двенадцать раз сигнал пробило,
И клетка в гору понеслась,
Подняли тело коногона,
И мать слезою залилась...

Меня поразила худенькая девочка лет семи, с бледным лицом и с медным крестиком на шее. Она сидела, зябко поджав под себя босые ноги, и пела:

Я был отважным коногоном,
Родная маменька моя,
Меня убило в тёмной шахте,
А ты осталася одна...

Чтобы меня не заметили рудничные ребята, я нагнулся, делая вид, что очищаю щепкой налипшую грязь. Но меня увидели.

Коренастый, одетый в лохмотья мальчуган, наверное вожак, подошёл ко мне вразвалку, запустив руки в карманы по самые локти.

— Ты кто? — спросил он.

— Никто.

— Дать тебе в рыло?

— Нет.

— Почему?

Я не знал, почему, и сказал:

— Дратся грех. Бог накажет.

Задира покосил глазом на свою распахнутую грязную грудь, где висел на засаленной нитке медный крестик, сплюнул сквозь зубы и сказал:

— Шахтёр богу не родня, его бойся как огня. Понял?

— А я Ваське скажу.
— Какому Ваське?
— С Нахаловки, у вас тут работает.
— А ты кем Ваське доводишься?
— Я? Брат, то есть сосед. Одним словом, я ему завтрак несу.

— Забожись!

Я снял шапку и перекрестился.

— Так бы и сказал. Ваську я знаю. Иди, никого не бойся. Если остановят, скажешь, Пашка Огонь пропуск дал. Понял?

Я пошёл дальше. Но Пашка догнал меня и сказал:

— Идём, я тебе покажу, где Васька работает. Он хороший парняга. У нас его боятся. А у вас?

— У нас тоже.

Мы шли рядом. Я косился на Пашку: уж очень он был страшный в своём тряпье, с чёрным лицом и руками.

— Ты чего такой чёрный? — спросил я.

— Со смены,—равнодушно ответил Пашка, — в ночь работал.

— Где?

— Где же? В шахте, конечно. Лампонос я, а батька забойщик.

Мы с Пашкой подходили к «питейному заведению», когда неожиданно с грохотом распахнулась дверь и на пороге показались двое шахтёров.

Один из них держал в руке шахтёрский обушок и порывался куда-то бежать. На нём кровавыми клочьями свисала рубаха. Его товарищ, молодой парень с рябоватым лицом, с гармошкой на плече, удерживал друга:

— Пусти, Петька. Хочешь, чтобы они нас совсем задушили, хочешь, чтобы мы сгорели в шахте?

Со страху я было пустился наутёк, но Пашка схватил меня за рукав.

— Не бойся. Это мой брат, тот, что с гармошкой, а пьяный — наш сосед. У него вчера в шахте сынишку завалило, а мать с горя удавилась ночью в сарае. Вот он пьяный напился, хочет хозяина шахты, фон Граффа, убить.

Едва Пашка сказал это, как из-за угла показались двое верховых казаков с лихими чубами. За ними, покачиваясь, ехал фаэтон с господами. Позади ещё двое казаков. Барин, у которого было злое красное лицо, остановил фаэтон и спросил у шахтёров:

— Чего буяните, мерзавцы?

Гармонист закрыл собой товарища и выступил вперёд:

— Хозяин, почини вентилятор, в шахте газу много.

— Пошёл вон, дурак! И чтобы я тебя больше не видел на моём руднике!

— Пусти, Петя, дай я с ним рассчитаюсь! — закричал пьяный и подбежал к пролётке.

Но казак ударил его плёткой по голове, и он упал в грязь.

Пашка схватил камень и кинулся туда, где началась свалка.

Я не знал, куда бежать, где искать Ваську, и пустился к шахте.

После долгих поисков я нашёл его там.

Васька работал на подъёме. Огромная деревянная катушка-барaban крутилась на высоком столбе, наматывая на себя длинный стальной канат. Барабан крутила пара лошадей, ходившая по кругу. На передней вислопузой сидел верхом Васька и кнутиком погонял её. Когда канат на барабане разматывался — железная бадья опускалась в тёмный колодезь шахты. Потом Васька поворачивал лошадей и погонял их в обратную сторону. Канат, скрипя, наматывался на барабан — бадья с людьми или углём поднималась из шахты.

Во время минутного отдыха Васька рассказал мне, что лошадей зовут Балетка и Стрепет, что они слепые, потому что раньше работали в темноте под землёй. Я покормил Балетку хлебом, и он, мигая сизым глазом, понюхал меня и даже притронулся к лицу бархатными губами.

— Это он поцеловал тебя, — сказал Васька ласково.

Жаль, что нельзя было стоять возле лошадей: штейгер прогнал меня.

Я отправился бродить по руднику, обходя шахту— боялся её. Рассказывали, что ствол шахты опускается под землю до самого ада. Если там приложить ухо к стенке, то слышно, как черти, разжигая печи, разговаривают между собой и как стонут грешники на сковородках.

Потом я увидел, как из-под земли вынырнула и повисла на ржавых цепях железная мокрая бадья.. В ней по пояс, как в кадushке, стояли мокрые чёрные люди. Глаза у шахтёров горели, как огоньки их лампочек. Жутко.

Я пустился в обратный путь. Опять открылась передо мной неоглядная степь. Теперь, однако, я чувствовал себя смелее и даже не побоялся свернуть в сторону, к Богодуховской балке. Люди рассказывали, что в революцию 1905 года жандармы расстреливали в этой балке рабочих. Захотелось пойти и поискать: вдруг найду какую-нибудь пуговицу или шапку от расстрелянных. Кроме того, в балке есть пруд: можно побросать камешки со скалы в воду.

Балка находилась в глухой степи, в стороне от дорог, время было осеннее, в ставке давно уже не купались, поэтому я никак не ожидал застать там кого-нибудь из людей. Каково же было моё удивление и мой страх, когда, приблизившись, я услышал приглушённые голоса. Откуда они доносились, я не сразу сообразил.

Казак ударил шахтёра плёткой по голове...

Я стоял у самого обрыва. Бежать было поздно. Осторожно заглянув со скалы вниз, я увидел двоих людей. Они сидели под стеной на берегу ставка и о чём-то негромко разговаривали. Сверху мне были видны только шапки, лиц рассмотреть я не мог. Тот, что был в шинели, в сером солдатском картузе, говорил другому, с забинтованной головой и в кепке:

— Явка в Нахаловке, у Преподобного, знаешь его?

— Слыхать-слыхал, а в лицо не знаю.

— Безногий он, сапожник.

— А-а, такого знаю. Это, значит, и есть Преподобный?

— Да.

— Приду, — сказал забинтованный.

Мне показался знакомым этот голос. Всмотревшись, я, к удивлению, узнал в нём шахтёра-гармониста, которого утром видел на Пастуховке. Наверное, казаки избили его, потому и голова перевязана.

— Значит, приходи, — продолжал тот, что был в шинели, — хлопцев много не зови. Перед тем как пригласить, выясни, что за человек. Избегай тех, кто любит выпить, живёт разгульно или состоит в родстве с начальством или полицией.

— Понимаю, товарищ Митяй.

«Митяй» — где-то я уже слышал это имя.

Тихонько, на цыпочках, я отошёл от обрыва. Боясь, как бы тайные люди не услышали моих шагов, я опустился на четвереньки и пополз, потом подхватился и, шлёпая опорками, помчался с горы. Бежал я до самой речки, а там присел за камнем и выглянул: погони за мной не было.

«Что за люди, почему они уединились в балке?» — думал я. Мне казалось, что я знаю и того, в шинели. Я заметил у него чёрную кудлатую бородку. Тот человек, который разговаривал с отцом в бане, тоже имел такую бородку, и у него был такой

же басовитый голос. Неужели это он? Тогда как он попал в степную балку, если работал на заводе?

4

С нетерпением дожидался я Ваську и, когда он возвратился с работы, поманил его в самый уединённый угол за сараем и с жаром рассказал о таинственной встрече в Богодуховской балке. В ответ Васька загадочно усмехнулся, пытливо взглянул на меня, как бы раздумывая: сказать или нет? Наконец не спеша стащил с головы шапку, порылся в ней и вынул какую-то бумажку.

— Тсс, тише, — произнёс он шёпотом и подал мне листок.

Я развернул. Это была какая-то картинка. Она изображала высокую гору, состоявшую из людей и похожую на шахтный террикон. На самой вершине сидели царь и царица, около них надпись: «Мы царствуем над вами». Под царём и царицей на широком кругу, похожем на карусель, стояли богачи в дорогих одеждах. Здесь была другая надпись: «Мы правим вами». Ещё ниже, тоже в кругу, стояли священники, архиереи, монахи и всякие богослужители. Надпись около них была мне непонятна: «Мы морочим вас». Под духовенством, на ещё более широком кругу, помещались жандарму, полицейские, царские генералы. Сбоку надпись: «Мы стреляем в вас». Под военными опять шёл круг. Там стоял заваленный всевозможными закусками и винами стол, за которым разместились барыни, купцы, фабриканты. Здесь было написано: «Мы едим за вас». В самом низу, придавленные, согнувшиеся под тяжестью этой кучи людей, были изображены рабочие и разный бедный люд. «Мы кормим вас», «Мы работаем на вас» — гласили две надписи. Рабочие, держащие на

своих плечах эту уйму людей, как видно, совсем обессилели, многие упали, и только один вырвался из-под круга. Он поднял в руке красное знамя, на котором виднелась надпись: «Жить в свободе или умереть в борьбе!»

— Где ты взял? — спросил я.

— Нашёл на руднике.

— А это что такое?

— Афишка против царя.

— Что ты с ней будешь делать?

— Приклею на забор.

— Давай Сеньке-колбаснику на затылок прилепим, — предложил я.

— Царю бы подкинуть, — сказал Васька, — нехай бы позлился.

— Верно, и напишем сбоку: царь — собака.

Мы уселись на лавочке и стали шептаться, обдумывая, как подкинуть царю афишку.

Вдруг мы заметили, как во тьме какой-то человек подкрался к землянке, постучал в окно и, подождав, пока отзовутся, негромко спросил:

— Сапожник Анисим здесь живёт?

Мы притаились. Из землянки послышался голос Анисима Ивановича:

— Здесь, что надо?

— Поклон от Павла, пришёл за сапогами, — проговорил неизвестный.

— Готовы сапоги, заходи, — ответил Анисим Иванович.

Не замечая нас, человек прошёл мимо. Скрипнула калитка, и стало тихо. Мне показалось, что я узнал человека из Богодуховской балки.

Сказать об этом Васе я не успел. На улице снова послышались шаги. Ещё один человек подошёл к домику, и разговор про какого-то Павла и про сапоги повторился. Когда и этот человек скрылся в темноте двора, Васька шепнул мне:

— Сиди тихо, это подпольщики.

Я удивился: зачем подпольщики идут в землянку к Анисиму Ивановичу, если там и пола-то нет — одна земля, подмазанная глиной скизьяком.

Скоро через дорогу прошёл к Анисиму Ивановичу мой отец, за ним однорукий механик Сиротка. Потом показался во тьме высокий рабочий-китаец. Я с ним уже встречался. А когда с гармошкой на плече явился гость с Пастуховки, я понял, что в землянке сошлись рабочие, которые идут против царя. Не терпелось поглядеть, как же они идут против царя, и я потянул Ваську в землянку.

Едва мы вошли, Анисим Иванович выпроводил нас, но я успел заметить того с кудлатой чёрной бородкой. Понравился он мне: глаза хитрущие, а зубы белые и весёлые, как у цыган.

— Вам тут, хлопцы, делать нечего, — сказал Анисим Иванович, подталкивая нас в спины. — Лёнька, ты марш спать, а Вася...

Анисим Иванович о чём-то пошептался с ним, и Васька вышел. Я узнал потом, что отец велел ему покараулить возле хаты. Если появится городовой, нужно запеть громко: «Во субботу, день ненастный...»

Ни о каком сне не могло быть речи. Я остался дежурить. Мы притаились у забора и стали наблюдать.

— Вась, а кто этот с бородкой?

— Подпольщик из Петрограда. Он знаешь какой смелый! Против царя идёт и против бога.

Я гордился тем, что охраняю таких людей. Значит, я тоже иду против царя и против... нет, против бога нельзя идти, это грех, а против царя мы с Васькой не боимся идти. Если бы рыжий Илюха узнал, он бы помер от зависти.

Над землёй спустилась ночь, но мне не было страшно. Даже хотелось, чтобы поскорее пришёл городовой, чтобы мы с Васькой запели во весь голос:

«Во субботу, день ненастный..» Я напрягал зрение, глядялся во тьму — никого нигде не было.

Прошло много времени, я озяб, но не уходить же домой, если до смерти хочется послушать, о чём говорят в землянке.

— Вась, а Вась, у вас в окошке дырка есть, — шепнул я.

— Ну и что с того?

— Ничего, так просто, я говорю, что там стекло подушкой заткнуто.

— Ну и что же? Это я заткнул, чтобы не дуло.

— Я знаю, Вася. Я только хотел сказать, что подушка вытаскивается...

Понял ли меня Васька или ему самому до смерти хотелось послушать подпольщиков, он погрозил мне во тьме пальцем, дескать, молчи, и мы подкрались к окну. Опустившись на колени, Васька осторожно отогнул край подушки, и мы затаив дыхание стали слушать.

Говорил человек с бородкой: я узнал его по голосу.

— Над нами стоит свора паразитов: попов, буржуев, жандармов. Тюремны переполнены. Под пулями царя гибнет народ. Стон стоит над Россией, товарищи! Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии большевиков призывает нас к борьбе. Так жить больше нельзя! Революция — единственный выход! Надо разбить вдребезги старую жизнь. Ничто уже не поможет — ни слёзы, ни протесты. Только наши мозолистые руки, вооружённые обушками и камнями, добудут себе свободу.

Мы переглянулись и отошли от окошка.

— Слышал? — шёпотом спросил Васька.

Я кивнул головой.

— Вот гад ползучий!

— Кто?

— Царь, кто же ещё? Россия стонет, а он водку пьёт и в рабочих стреляет.

Россия стонет... Я напряг слух, стараясь уловить в тишине этот стон, но нигде не было слышно ни звука.

Мы опять подкрались и склонились над окном. Теперь говорил мой отец:

— Заводской комитет готовится. Мы куём оружие, товарищи. Сорок сабель и сотня пик сложены в надёжном месте. Поднимайтесь смелее, товарищи шахтёры, за нами встанет весь народ...

5

Мы отошли от окна, чтобы проверить, не подкрадывается ли городской, но вокруг по-прежнему было тихо, лишь мерцали в тёмном небе звёзды.

Вдруг где-то далеко в ночи послышался протяжный, тревожащий душу стон, замер и снова повторился. Что такое? Прерывистые надрывные звуки долетали к нам всё яснее. Я схватил в темноте руку Васьки:

— Слышишь?

— Подожди ты, — с досадой проговорил он, прислушиваясь к жалобному стону.

— Это Россия, да?

— Чего?

— Россия застонала?

— Какая там Россия! Гудок Пастуховской шахты помощи просит. Что-то случилось там. — И Васька снова затих, прислушиваясь.

А во тьме звучал и звучал одинокий печальный призыв. Потом, как бы в ответ ему, затрубили другие шахты. И в ночи, наводя страх, заголосили десятки тревожных гудков: гво-у, оу...

Вася метнулся к землянке, но оттуда уже выбе-

гали, одеваясь на ходу, подпольщики. Даже Анисим Иванович выехал на тележке.

— Пастуховка горит! — крикнул Васька. — Вон, смотрите!

В той стороне, где находился рудник, занималось зловещее зарево.

Гармонист с Пастуховки с досадой махнул рукой и побежал вдоль улицы. Остальные последовали за ним.

Всюду слышался топот ног. Люди беспорядочно бежали в одном направлении. В темноте звучали встревоженные голоса.

— Пойдём? — спросил Васька, до боли сжав мне руку. — Там же Балетка и Стрепет.

Мне вспомнились слепые лошади, и я, ни о чём не раздумывая, бросился за Васькой.

На углу улицы мы столкнулись с отцом. Узнав меня, он приказал вернуться. Огорчённые, мы остановились. Я чувствовал, что Ваське хотелось сбегать на рудник, но он боялся оставить меня одного.

Мы вышли на окраину посёлка. Отсюда хорошо был виден пожар. Пастуховский рудник стоял на горе, и зарево, всё больше разгораясь, освещало полстепи. Виднелся зловеще красный террикон шахты «Италия».

А гудки ревели. Люди метались во тьме, спешили со всех концов, растерянно спрашивали друг друга, что случилось. Кто-то произнёс: «Рудник горит». Другой подтвердил: «Конечно, взрыв». И заговорили взволнованные, сердитые, жалостливые, гневные голоса:

— Погибли кормильцы, опять сироты по миру пойдут.

— Вентилятор не чинили, вот и пожар.

— Что им вентилятор, нехай лучше люди гибнут!

— Покидать бы их в ствол, паразитов.

У меня стучали зубы от страха. В приглушённом

людском говоре я уловил голос матери. Она спрашивала у кого-то обо мне. Улизнуть не удалось, меня узнали и подвели к ней. Мать шлёпнула меня:

— Ах ты, босячина! Я его шукаю, всю улицу обегала, а он гулять надумал ночью.

Тётя Матрёна хотела увести Ваську, но в эту минуту со стороны Пастуховки прибежал человек и крикнул:

— Братья! На помощь! Пастуховские шахтёры погибают!

Васька вырвался у матери и помчался в тёмную степь.

6

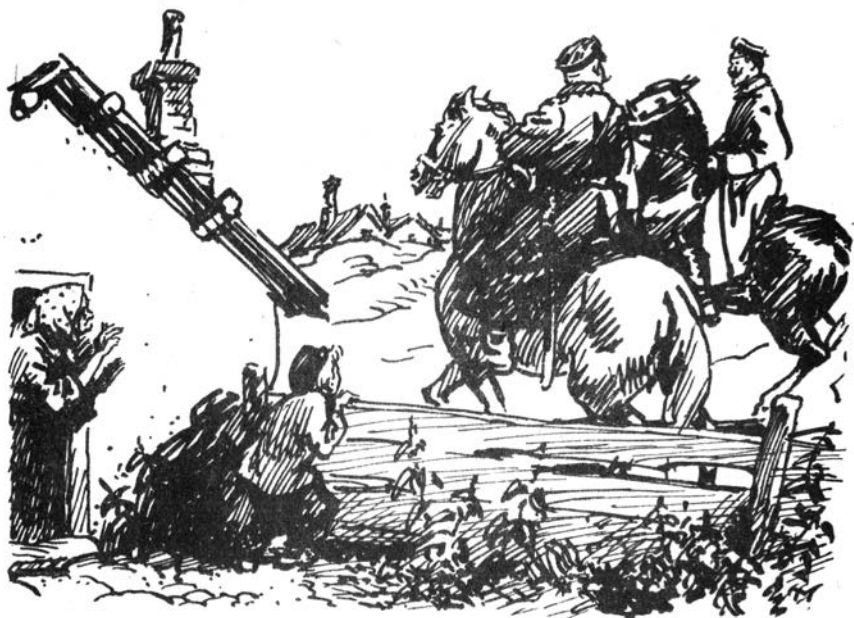
Всю ночь не утихала тревога. За окнами слышались крики, выстрелы, топот бегущих людей. Мать погасила каганец и стояла у окна, напряжённо вглядываясь в темноту.

Утром к нам прибежал Васька и рассказал, что на шахте «Италия» под землёй взорвался газ, погибла целая смена — двести шестьдесят пять шахтёров, сгорело здание шахты и конюшня с лошадьми.

Васька с жаром рассказывал, как рабочие выволокли из дома хозяина шахты фон Граффа и потащили его к шахте, хотели бросить в ствол, но налетели казаки и отбили фон Граффа.

Целый день в городе было тревожно, целый день не было дома отца. Мы с матерью думали, что его посадили в тюрьму. Но он пришёл под утро и виновато положил на стол помятый рубль, а сверху тридцать одну копейку мелочью: отца рассчитали. Ему сказали, что он никогда больше не поступит на работу, потому что его записали в какую-то «чёрную книгу».

По улицам шныряла конная полиция. Мать строго-настрого запретила мне выходить за калитку, что-

бы, не дай бог, не затоптали лошади. Но в день похорон погибших шахтёров я убежал, и мы с Васькой помчались на Пастуховку.

Все дороги к руднику были запружены людьми. Полиция, жандармы и казаки разгоняли их, наезжая на женщин и детей лошаадьми, но люди шли и шли.

Вид сгоревшего рудника поразил меня. Над зданием шахты ещё курился чёрный дым. В воздухе летала копоть. Пахло мокрой сажей и чем-то ещё тяжёлым и приторным, от чего першило в горле. Притихли землянки, опустели кабаки. Даже собаки перестали лаять и молча смотрели на людей: не понимали, что случилось.

По дороге на кладбище длинной вереницей везли на телегах простые деревянные гробы. На целую версту вытянулось похоронное шествие. Лошади шли понуро.

По обе стороны похоронной процессии длинной цепью растянулись и гарцевали на конях жандармы с шашками наголо. Они никого не подпускали к гробам.

Впереди подвод не спеша двигалась небольшая группа рабочих. Они несли на руках один гроб и пели:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Вся степь оглашалась криками детей, плачем женщин. Одна из них ползла по земле, протягивая руки к гробам. Она уже не могла плакать и только хрипела. А сквозь этот стон и рёв печально и сурово звучало пение:

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых.
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи изрекли, и на казнь
Пошли 'вы, гремя кандалами.

Жандармский ротмистр в белых перчатках, нахлестывая лошадь, заезжал вперёд и кричал, поднимаясь на носки, как петух:

— Пре-кра-тить пение! Прошу пре-кра-тить!

Рабочие не обращали внимания на жандарма, и грозное пение звучало ещё громче:

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука раковая!

Протиснувшись сквозь толпу, я увидел в переднем ряду отца. Он нёс гроб, подставив под угол плечо. По другую сторону медленно шагал шахтёр-гармонист с Пастуховки.

«Не его ли приятель лежит в том гробу?» — подумал я.

У отца на глазах поблёскивали слёзы. Он шёл медленно и пел вместе со всеми:

Падёт произвол, и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

На кладбище полиция никого не пустила, кроме тех, кто несли гробы. Но мы с Васькой проникли через ограду. Казак с лошади больно стегнул меня плёткой по спине, зато я пробрался.

На степном кладбище ни кустика. Только полынь, лопухи да редкие кресты.

Посреди кладбища была вырыта братская могила — длинная глубокая яма. Рабочие спускали туда гробы на верёвках и устанавливали в ряд.

Чья-то девочка в длинном ситцевом платье хватала рабочих за руки и кричала до хрипоты:

— Куда вы дедушку опускаете, там лягушки!

В конце ямы на коленях стояла шахтёрская мать. Она обнимала деревянный ящик-гроб и причитала: «На кого же ты покинул своих деточек...» Около неё теснилась куча ребят мал мала меньше. Старший, грязнолицый, хмурый мальчик, одной рукой вытирал слёзы, а другой поддерживал мать. Я вгляделся и узнал в нём вожака пастуховских ребят. Да, это был он — грозный Пашка Огонь.

Священник, отец Иоанн с добрым христоролюбивым лицом, в тёмно-малиновой, расшитой серебром ризе, стоял над ямой и, плавно размахивая кадиллом, из которого вился пахучий синий дымок, рокотал басом:

— Со святыми упо-о-кой, Христе, души раб твои-их идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Яко земля еси и в

*Грустно звучало заукойное пение, прерываемое
рыданиями людей.*

землю отъидеши, а може вси человецы пойдем, надгробное рыдание творяще песнь. Аллилуйя.

Грустно звучало заупокойное пение, прерываемое рыданиями людей. Видно, отцу Иоанну самому было жаль погибших шахтёров. Он провожал их в рай.

В стороне от нас, в толпе разряженных барынь, стоял с набожным видом колбасник Цыбуля. Глядя издали на могилу, он крестился и что-то говорил соседу, трактирщику Титову. Я прислушался.

— Жизнь человека что свеча на ветру. Дунь — и погасла. Ничто не вечно.

— Да, царь и народ — всё в землю пойдёт, — отвечал ему трактирщик, крестясь и печально закатывая глаза.

С глубоким вздохом Цыбуля вторил:

— Истину глаголете, Тит Власович. Все под богом ходим. — И он осенил себя крестом.

Механик Сиротка в чистой рубашке с пустым рукавом, заткнутым за пояс, подошёл к Цыбуле и сказал негромко, сквозь стиснутые зубы:

— Молитесь, господа? Бойтесь, как бы не умереть, а люди вот погибли, хорошие люди.

— Бог дал, бог взял, — сердито ответил ему Цыбуля и отвернулся.

— Бог взял?—со зловещим спокойствием переспросил Сиротка. — А где он есть, бог? Покажи мне его!

— Богохульник, — сердито прошипел трактирщик Титов, — разве можно так говорить? Бог живёт в тебе самом, в душе твоей.

Лицо у Сиротки потемнело.

— Во мне живёт? — спросил он, берясь за ворот рубашки, точно ему стало душно. — Где же он во мне, покажи? — Он потянул за ворот так, что посыпались пуговицы и обнажилась худая грудь. — Здесь, что ли? Здесь, я у тебя спрашиваю? — задыхаясь и наступая на трактирщика, спрашивал Сиротка. —

Тогда почему бог не видит, что я голодный, а ты, паразит, заплыл жиром?

— Тш-ш... — прошипел трактирщик, косясь на Сиротку, — батюшка услышит. Не стыдно тебе?

— Твой батюшка — жандарм в рясе. Стыдно должно быть вам, из-за вас погибли рабочие люди!

— Не смеешь так разговаривать со мной! — вдруг выкрикнул трактирщик. — Я купец первой гильдии, я гласный городской думы! Эй, городской!

— Зови, зови, гад, захлебнётесь нашей кровью.

Жандармы тотчас же схватили Сиротку и увели.

Я почувствовал невыразимую ненависть к торговцам. Чем бы им отплатить? Я свернул в кармане такую дулю, что если бы Цыбуля увидел, то помер бы от злости. «На тебе дулю, колбаса вонючая, и тебе тоже, Тит Титыч», — мысленно повторял я, но вынуть дулю из кармана и показать побоялся: ещё даст по шее — головы не повернёшь.

Я заметил, что Васька еле сдерживал себя от злости. Я стал следить за тем, что он будет делать, чтобы самому делать то же самое.

Васька подошёл к низенькому трактирщику, остановился и сказал ему прямо в лицо:

— Буржуй, свинячий хвост пожуй!

Трактирщик уставился на Ваську. Я тоже прошёл мимо, но, не зная, что сказать, скорчил рожу и показал язык.

— Рвань несчастная, босяки! — вскричал купец. — Всех вас туда надо, в яму!

У меня отлегло от сердца: пусть ругается, зато наш верх.

7

Мы ушли с кладбища после всех, когда там оставались только полиция да плачущие над могилами женщины с детьми.

Мы шли по степи молча, разговаривать не хотелось. Тяжёлый камень лежал на сердце. Уже вечерело, и мы подходили к окраине посёлка, когда нас догнал фаэтон, мчавшийся со стороны Пастуховского рудника.

В фаэтоне на мягком кожаном сиденье полувалялся пьяный отец Иоанн. Пышные длинные волосы его были встрёпаны; одна нога, обутая в сапог, свесилась на крыло фаэтона.

Цыбуля, сидевший рядом, придерживал его за длинный, до пят, лиловый подрясник.

Горькую обиду почувствовал я: отец Иоанн, которого я уважал, оказывается, заодно с Цыбулей. Значит, ему не было жалко погибших рабочих, он притворялся, когда отпевал их на кладбище. А я-то думал, что, когда он кончит отпевать шахтёров, ангелы вознесут его на небо и там он будет рассказывать богу, как погибли шахтёры и как он, отец Иоанн, хоронил их. Бог будет слушать и плакать от жалости... А выходит, что отец Иоанн обманул и нас с Васькой, и шахтёров, и самого бога... Напился, как свинья, длинногривый.

— Бог его накажет, правда, Вась?—спросил я.

— Накажет белыми пирогами да полбутылкой водки, — сердито отозвался Васька.

— Почему пирогами?

— Потому что... — Васька нахмурился и замолк, точно сердился, что я сам не догадываюсь, почему бог накажет отца Иоанна белыми пирогами, — потому что...

Он оглянулся, хотя на целую версту не было ни души, и с отчаянной решимостью прошептал;

— Если хочешь знать... я тебе скажу: бога совсем нема.

Я остановился, поражённый.

— Чего спугался? Говорю, нема бога, значит — нема.

— Как — нема, что ты сказал, Вась, перекрестись скорей!

— Незачем мне креститься. Подпольщики-шахтёры врать не будут.

— А куда делся бог?

— Никуда. Его и не было вовсе.

— Как? Я вчера своими глазами бога видел в церкви.

— Картинки ты видел.

— Нет, иконы.

— Это и есть картинки. Их буржуи намалевали, чтобы...

Васька не договорил, сердитым движением достал из-за пазухи афишку и ткнул пальцем в то место, где на карусели были нарисованы духовные лица:

— Чего здесь написано, прочитай.

— «Мы морочим вас».

— То-то же, понимать надо.

Но я ничего не понимал. Не верить Ваське я не мог, а верить было страшно.

— Вась, а что, и... и... божьей матери нема? — содрогаясь, спросил я.

— Нема.

— А рай?

— Что?

— Есть рай?

— «Рай, рай» — ложись да помирай, — хмуро ответил Васька.

Мы помолчали.

— А кто же создал деревья, шахты и... разные огурцы?

Мои вопросы начинали сердить Ваську.

— Ты слышал, что Сиротка говорил про бога на кладбище? — спросил он с досадой.

— А что?

— Нет, ты скажи: слышал?

— Слышал.

— Ну и всё.

Потрясённый, я пришёл домой. Матери не было. Из переднего угла глядел на меня сердитыми глазами Николай-угодник. Страшен был его тёмный иконописный лик.

«Как же так, бога нема? — думал я. — А молитвенники, а церкви, а Иисус Христос и, наконец, вот — Николай-угодник? Если это картинки, то почему святой так зло смотрит на меня? Наверное, уже знает о нашем разговоре с Васькой».

Я вытащил из-за иконы затрёпанный святой календарь. Вот великомученица Варвара с печальными, как у Алёшки Пупка, глазами. Ещё бабушка когда-то учила меня, что этой святой нужно молиться «от нечаянной смерти и головной боли». А вот ещё какой-то лысый святой в юбке, с книгой в руке, кажись, преподобный Трофим, которому нужно молиться первого февраля «об истреблении мышей и крыс». А вот мученик Иисус Христос, распятый на кресте. Почему он худущий, как скелет? Потому, что ничего не ел и не пил, всё страдал за грехи людские. Как же нема бога?

Но ведь мне сказал об этом Васька. Никому я так не верил, как Ваське! И опять мне вспомнился пьяный отец Иоанн и девочка-сиротка, плачущая над могилой деда-шахтёра. Зачем нужно было богу, чтобы она плакала, почему бог не вступился за неё?

«Где он, бог, покажи мне его?» — вспомнил я слова Сиротки. И мне захотелось так же смело сказать: «Где бог? Васька сказал: нема бога!»

У кого бы узнать: есть ли бог? Спросить у матери — отстегает, а у отца и спрашивать нечего — в церковь он не ходит.

Вдруг меня осенила догадка: «Что, если самому поговорить с богом?»

Не спуская глаз с иконы, я подошёл к ней. Нико-

лай-чудотворец сердито смотрел на меня. Тихо, чтобы чудотворец не совсем отчётливо разобрал мои слова, я спросил:

— Бог, тебя нема, да?.

Ожидая грозящего громового удара, я втянул голову в плечи и зажмурился. Всё было тихо. Я пощупал язык — не отсох ли? Язык шевелился.

— Нема бога! — повторил я громче.

Святой тупо глядел на меня тёмными пятнами очей.

— Нема бога! Бога нема! — выкрикнул я. На душе стало легко и весело. — И не было бога, одни картинки! — Продолжая кричать, я ударил ногой в дверь и выскочил во двор.

Ярко светило солнце, и небо над головой показалось мне просторнее, чем было.

— Бога нема! — завопил я на всю улицу и увидел на заборе рыжего Илюху.

Он смотрел на меня, вытаращив глаза. Челюсть у него отвисла.

— Ну, чего уставился? Нема твоего бога, и ангелов нема!

Илюха хотел перекреститься, но от страха не сумел, спрыгнул с забора и пустился наутёк.

— Держи Илью-пророка! — закричал я вдогонку и побежал через дорогу к Ваське.

Вдруг я весь обомлел: у Васькиной калитки стоял городской Загребай. Я с разбегу чуть не ткнулся ему в живот. Городовой схватил меня за шиворот:

— А ну, стой! Это кто тебе сказал, что бога нема? Идём к отцу, кто твой отец?

— Я больше не буду, дяденька...

— Врёшь... Ишь распустились — «бога нема»! Я тебе дам «бога нема»!

Внезапно городской поднёс к моему лицу волосатый кулак:

— Вот он, бог, видал?

Я молчал, глядя на огромный, пахнувший солёными огурцами кулак. Городовой держал его у самых моих глаз, закрыв кулачищем весь свет.

— Ну, что это? — спросил он грозно.

Я не знал, как отвечать. Городовой заорал:

— Что это, я спрашиваю?

— Б...бог, — робко выговорил я.

— То-то же.

Городовой дал мне подзатыльник, и я помчался прочь.

Для младшего школьного возраста

Леонид Михайлович Жариков

БОГ И ЛЁНЬКА

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская*. Художественный редактор *А. В. Пащина*. Технический редактор *Г. Г. Стан*. Корректор *Л. М. Короткина*. Подписано к печати с готовых диапозитивов 19/V 1976 г. Формат 60x90/16. Бум. типогр. №2. Усл. печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,22. Тираж 750 000 экз. Заказ № 228. Цена 8 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграф комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва. А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Жариков Л. М.

ЖЗ4   Бог и Лёнька. Рассказ. Переизд. Рис. В. Ладягина. М., «Дет. лит.», 1976.

46 с. с ил. (Книга за книгой).

События рассказа происходили в маленьком шахтёрском городке в до-революционные годы.

Сын рабочего Лёнька Устинов, наивно веривший в бога и ангелов, постепенно убеждается в том, что бога нет, что его придумали буржуи, чтобы угнетать простых людей.

ж ~~70802-422~~ 248-76
М101 (03)76

Р2

ЦЕНА 8 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1976 году
вышли и выходят следующие книги:

Благинина Е. КЛЯТВА БОЙЦА.

Стихи

Евдокимов Н. РАССКАЗ О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Это глава из романа «У памяти свои законы»

Коршунов М. ПЕТЬКА И ЕГО, ПЕТЬКИНА, ЖИЗНЬ.

Весёлые рассказы о современных детях

Фадеев А. МЕТЕЛИЦА. САШКО.

*«Метелица» – отрывок из романа «Разгром», «Сашко» –
отрывок из романа «Молодая гвардия»*

Шманкевич А. КОЛЬКА-ТЕОРЕТИК

Весёлые рассказы про мальчишек и взрослых.